

Ирина Федорчук

Университет Щетинский

Фонтанный дом в жизни и творчестве Анны Ахматовой

Хорошо известна фраза, сказанная Ахматовой П. Н. Лукницкому: *Уйдя от Гумилевых, я потеряла дом*¹. Однако оценить этот дом как утрату не только крыши над головой, но и своего личного пространства, поэт смогла лишь с перспективы лет. Говоря о последнем доме, поэт имела в виду тот, в который ее привел после свадьбы Н. Гумилев². Благодаря именам двух живших в нем поэтов, сохранилась память об этом доме на улице Малой в Царском Селе. Его перед свадьбой сына приобрела мать поэта – А.И. Гумилева. С осени 1911 до весны 1916 года он и был первым и, по сути, единственным уютным и обжитым семейным домом, который был у Ахматовой. Здесь ей отвели отдельную комнату, которую она называла *синей*, потому что стены украшали синие шелковые обивки – уединенное личное пространство творчества, где она могла ощутить *роскошь уединения*.

В воспоминаниях об этом доме и комнате ощутимо тогдашнее желание Ахматовой создать свой мир, одухотворить пространство, обосо-

¹ Цит. по: В. Лукницкая, *Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких*, [online], <http://lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/LUKNICKAYA/gumilew.txt>, [доступ: 27.04.2017]. Много лет спустя, в ответ на упреки Лукницкого, что Ахматова живет так бедно, она ответит: *Каждый человек живет так, как он может!*

² Перед венчанием Гумилев сказал невесте, что она свободна от каких-либо перед ним обязательств, положил на ее счет две тысячи рублей и дал ей личный вид на жительство. Именно этой свободы, которая была ей дана в первом браке, не хватало потом Ахматовой в отношениях с ее партнерами.

бить его. Однако ни дом, ни комната не выполнили в сознании поэта функцию защиты, не создали ощущения домашнего очага, семейного мира. Для Гумилева этот дом связывался с памятью, культурным наследием (книги, портреты, старинные предметы) и открытиями (привезенные из путешествий экзотические вещи), а Ахматова чувствовала себя в гостях.

При этом и Ахматова, и Гумилев рвутся из дома в столицу, где есть маленькая, но принадлежащая только им комната, не очень удобная, но здесь можно иногда остаться ночевать, здесь собираются их молодые единомышленники. Повидавший мир Гумилев, утверждал, что *Петербург – лучшее место земного шара*. Ахматовой город воспринимался *особенно свежо и остро после тихого и благоуханного Царского Села*³. Образ пушкинского *светлого града* навевал величественные картины северной столицы. Ахматова отмечала, что *красоту Петербурга вновь открыли художники-мироискусники*, что молодых ее сподвижников вдохновляло именно живописное изображение города⁴. В раннем творчестве переживания лирического «я» и «ты» у поэта неразрывно связаны с Петербургом, обусловлены его аурой, события вписаны в пространство пышного, гранитного города.

С весны 1916 года Ахматова и Гумилев живут рядом, но отдельно, а вскоре и сам дом был его хозяйкой продан. С родными пенатами ассоциируется у нее впоследствии не семейный дом Гумилевых, а все Царское Село. Именно туда она стремится вернуться, а, видя дом, взирает на него отчужденно, жалеет только об оставленных в нем и потерянных письмах.

Дальнейшая жизнь автора «Поэмы без героя» связана с «Петровым градом». Ахматова чувствует себя по духу петербуржанкой⁵, а о столице говорит *тот город, мной любимый с детства...* Уйдя из дома Гумилевых, *ничего с собой не взяв*, по словам Ахматовой, она осталась первый раз в жизни *бездомной*, с ощущением, что *кончилась юность*.

Однако вскоре привычный мир рушится, жизнь круто меняется. *Ставшим крылатым словом-стихом* Ахматова выразила это ощущение рубежа: *Приближался не календарный / Настоящий Двадцатый Век*. В роковом 1914 году началась Первая мировая война, *это европейское братоубийство и почти удавшееся самоубийство цивилиза-*

³ А. Ахматова, *Город*, [в:] *Сочинения*, т. 2, сост. В. Черных, Москва 1986, с. 248.

⁴ Там же.

⁵ В ряде автобиографий Ахматова даже пишет, что родилась в Петербурге, хотя это и не соответствовало истине.

ции *Старого света*, давшие толчок историческому видению Ахматовой, в котором пульсировала ее личная судьба⁶. На второй день войны Ахматова начинает писать стихи, вошедшие в цикл «Июль 1914».

Эсхатологические мотивы, пронизывающие «Белую стаю», связываются Ахматовой также с пространством дома и города. Внутреннее пространство дома оказывается разрушенным, что приводит к появлению семантики смерти. [...] Пространство становится дисгармоничным, открытым «всем ветрам истории», и в таком пространстве нет места уютному обжитому дому. Там царит неподвижная тишина, запустение, мрак: *Сразу стало тихо в доме...*⁷.

Вехи своей духовной биографии как части общей биографии ее поколения поэт вписывала в исторический контекст. Гумилев уходит добровольцем на фронт и уже через год получает Орден Святого Георгия за храбрость. Чем дальше отдалялись в памяти события их совместной жизни, тем большее значение приобретал для нее образ Гумилева и ее место в его творчестве.

Когда человек умирает, изменяются его портреты, – писала Ахматова. Изменился и портрет Гумилева. В проекции ахматовских ретроспекций превращенный в воспоминание Гумилев (*ты превращен в мое воспоминанье*) стал больше, лучше и даже прекраснее себя живого – единственный из любивших ее мужчин, он с блеском выдержал экзамен на Героя, а все остальные с треском провалились⁸.

Пятым актом из Летнего сада веет, – так лаконично написала поэт о кануне революции. С января 1917 года до осени 1918 Ахматова жила у Срезневских при клинике, в которой служил врачом муж подруги. Увидя однажды, как В. Срезневская сидит, чуть не плача, перед горой мерзлой картошки, кроме которой готовить на обед было нечего, Ахматова поняла, что усложняет своим присутствием и без того тяжелую жизнь семьи подруги.

В городе становилось все безлюднее, а жизнь все горше. В начале 20-х годов в литературе появляется образ умирающего, холодного

⁶ К. Страда, В. Страда, *Анна Ахматова и ее XX век*, [в:] *La Pietroburgo di Anna Achmatova*, Bologna 1996, p. 17–18.

⁷ А. Локша, С. Козловская, *Структура художественного пространства в творчестве Анны Ахматовой эпохи войны и революции (1914–1921)*, [в:] *Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник*, Вып. 9, Симферополь 2011, с. 61–62.

⁸ А. Марченко, *Ахматова: жизнь*, Москва 2009, [online], <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about-marchenko-zhizn/epilog-drugaya-zhizn.htm>, [доступ: 12.06.2017].

города, казавшегося многим почти чужим – бывшей столицы. Выражая мнение многих, З. Гиппиус с убийственной точностью суждений писала об этом времени:

Я следила, как умирал старый дворец, на краткое время воскресший для новой жизни, – я видела, как умирал город [...]. Да, целый город, Петербург, созданный Петром и воспетый Пушкиным, милый, строгий и страшный город – он умирал⁹.

Поэтому единственным решением для Гиппиус и многих иных было решение оставить Петроград и Россию. Ахматова даже не рассматривает такую возможность, в ее лирике звучит мотив необходимости разделить судьбу города, страны, сохраняя им верность, и тем самым, сохраняя верность самому себе. У Ахматовой в известном и многими отвергнутом тогда стихотворении *Все расхищено, предано, продано...*, наряду с эсхатологическими мотивами первых строф в последней – звучат ноты надежды, веры, что все было не зря, не напрасно, что надежда есть. Поэт останется в городе на Неве до лета 1941 года.

Ахматова любила давать домам и квартирам в Петрограде, в которых ей приходилось жить, поэтические названия: «Пагодой» – именovala дом на Пушкарской, «Гучкой» – квартиру, названную в честь переулка на Васильевском острове, «Фонтанным домом» был Шереметевский дворец, «Шумерийской кофейней» они с В. Шилейко прозвали комнату во флигеле Фонтанного дома.

Утрата дома не оборачивается попытками его обретения, Ахматова ищет себе пристанище, понимая, что оно будет временным и вынужденным. В городе на Неве она живет во дворцах, но в служебных помещениях, флигелях, входит в дом не с парадного входа по ковровой лестнице, с перилами-балюстрадами, а через черный, потому что парадные подъезды после революции в подавляющем большинстве начинают закрывать¹⁰. Именно лестница служила одним из мерил характеристики квартиры: крутые, неотопливаемые, темные, сырые, черные лестницы, с входом в подвальные помещения, становились чем-то обычным.

⁹ З. Гиппиус, *Петербургские дневники 1914–1919 гг.*, [В:] *Собрание сочинений*, т. 9, Москва 2005, с. 338.

¹⁰ Сама поэт писала об этом так: *Мои жилища. Дворцы и нищая жизнь в них. I. Фонтанный Дом. II. Мраморный. III. Сергиевская, 7; Мои дворцы (Шереметевский). Сергиевская, 7. Мраморный*. См.: А. Ахматова, *Записные книжки (1958–1966)*, Москва, Torino 1996, с. 137.

Название «Фонтанный дом» нередко приписывают Ахматовой, однако, оно вполне исторично: так называли часть усадьбы Шереметьевых, когда в 40–50-х годах XVIII века был воздвигнут каменный дворец. При этом набережная Фонтанки¹¹ и Фонтанный дом стали для поэта особо значимыми, превратившись в мифологизированный локус ее творчества, о чем бы ни шла речь: о «фасадности», «декоративности», «театральности» центра Петербурга или об особой ауре старинного дворца с его богатой историей, чужой жизнью, тенями прошлого. Дом многочисленными нитями оказался связан с ее творчеством и судьбой. Н. Пунин, еще в 1923 году, до того как, Ахматова поселилась в его квартире, слышал от нее пожелание жить в районе Фонтанки, где «так много Петербурга», но, возможно, Фонтанный дом с садом был похож и на Царское Село: и дворец, и деревья, и овал внутреннего двора. Тогда еще автор «Поэмы без героя» не могла предположить, что дом станет для нее *целой симфонией ужасов*¹².

Первый адрес Ахматовой во флигеле Шереметевского дворца связан с квартирой Шилейко. Он поселился на Фонтанке 34 в Северном флигеле, когда стал преподавателем и гувернером старших внуков графа С.Д. Шереметева. Тогда в этом северном флигеле, кроме служебных жилых помещений размещались Танцевальный зал, Бильярдная, Столовая, Буфетная. В это же время Шилейко работает внештатно ассистентом в Эрмитаже, хотя университетского курса он так и не закончил. С Ахматовой они были знакомы с начала 10-х годов, оба были связаны с «Цехом поэтов», любили бывать в «Бродячей собаке», обменивались стихотворными посланиями и поженились в 1918 году¹³. Как недавно выяснилось, Ахматова жила у Шилейко в квартире номер пять с 1919 – до весны 1921 года¹⁴. Дворец еще хранил следы бывшего первозданного великолепия, старинный сад для городского был огромен, напоминая о тех временах, когда это место считалось загородным.

¹¹ На Фонтанке Ахматова жила в доме № 2 и в доме № 18.

¹² А. Ахматова, *Дальше о городе*, [в:] *Сочинения*, т. 2, сост. В. Черных..., с. 250. По другой версии самой Ахматовой она прожила здесь с осени 1918 года до осени 1920 года, то есть всего один год.

¹³ Брак Шилейко и Ахматовой, вопреки ее воспоминаниям, все же был оформлен супругом в декабре 1918 года в нотариате Литейной части Петроградской стороны. Официально брак продлился пять лет, до 1922 года (расторгнут решением народного суда Хамовнического района города Москвы от 8 июня 1926 года, по-видимому, по инициативе Шилейко, который 18 июня этого же года обвенчался с В. К. Андреевой).

¹⁴ Квартиры подвергались перепланировкам, поэтому сегодня невозможно установить, где именно находилась квартира номер 5, нигде не осталось никаких планов перестроек.

Общим пространством, соединявшим дворец и флигель в саду, был парадный двор со стороны Фонтанки, украшенный аркой с изображением герба графов Шереметевых с их ставшим благодаря Ахматовой знаменитым девизом «Бог хранит все»¹⁵. А. Жолковский отмечал, что поэту было небезразлично, где жить:

она ценила богатую возможность помечать свои стихи Фонтанным Домом и любила его эмблему – герб со львами, короной и надписью *DEUS CONSERVAT OMNIA*, украшавший его фасад, а ныне вошедший в символарий ахматовского культа¹⁶.

В том, как Ахматова называла дворец, акцент был на слове «дом», писала его поэт даже с прописной буквы, в рукописях нередко отмечая место создания стихотворения, иногда ставила лишь две буквы – «Ф. Д.». Впрочем, под рядом стихов в рукописях стоит и сокращение «Шер. Дом».

Тридцать пять лет я прожила в одном из самых замечательных петербургских дворцов (Фонтанный Дом Шереметевых) [...] и радовалась совершенству пропорций этого здания 18-го века¹⁷.

Ахматова любила старинные петербургские дома, «с историей», как она их называла. Действительно, поселившись в этом «сиятельном» доме, поэт впитала в себя всю его мифологию, легко соединяя иррациональное с реальным, мистическое с историческим, начиная от истории несчастий умершей здесь «молодой хозяйки дворца» Полины Жемчужовой; история об императоре Павла I, навещавшем Фонтанный дом; предания о юном призраке камер-юнкера, убитого в Белом зале дворца по приказу графа П. Зубова; позировавшего здесь О. Кипренскому А.Пушкина; до умершего, якобы, в их с Шилейко комнате поэта П. Вяземского. Пространство Фонтанного дома было хранилищем мифов и пристанищем теней своих бывших обитателей – пяти поколений Шереметевых, живущих во дворце.

¹⁵ Ахматова сделала его эпитафией к балету «Триптих» на основе «Поэмы без героя». В авторском примечании она писала: *Девиз в гербе на воротах дома, в котором я жила, когда начала писать поэму.*

¹⁶ А. К. Жолковский, *Анна Ахматова – пятьдесят лет спустя*, [online], <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/zholkovskij-ahmatova-pyatdesyat-let-spustya.htm>, [доступ: 02.05.2017].

¹⁷ А. Ахматова, *Автобиографическая проза*, [в:] *Сочинения*, т. 2, сост. В. Черных..., с 255.

Он стоит несколько в стороне от набережной, отделенный от нее тяжелым, изящным кружевом чугунной решетки и обширным *cour d'honneur* – парадным двором. «Клинопись фонарей в Фонтанке», – записала когда-то Ахматова в одной из черновых тетрадей, вспомнив, по-видимому, в этот миг о предмете занятий своего второго мужа [...]»¹⁸.

Как ни странно, но постоянная смена Ахматовой места жительства, что было вообще и до революции характерно для петербургской интеллигенции, привела к сомнениям в том, где именно была их с Шилейко квартира в Фонтанном доме. Как уже упоминалось, сначала Шилейко была предоставлена комната в северной части дворца, однако, когда дворец перешел в ведение Археологического института и стал музеем, Шилейко с женой переселили. Директор литературно-мемориального музея Ахматовой Н. Попова и его сотрудник Т. Позднякова в своей новой книге, которую готовили десять лет, обнаружили адрес, который не упоминался в ахматоведении:

Сопоставив воспоминания, мы полагаем, что через всякие лабиринты, переходы, лестницы, коридоры, они [Ахматова и Шилейко] шли со стороны Фонтанки в бывший конюшенный флигель. Скорее всего, на второй этаж¹⁹.

Конюшенный флигель находился напротив Северного, и, с большой долей вероятности, можно определить, где находилась интересующая нас квартира, отсчитав пятое с края окно от Северных ворот. В голодную и холодную зиму 1919 году востоковеда Шилейко утвердили в должности профессора Петроградского археологического института, как он и обещал Ахматовой. Здесь он стал читать лекции по истории Шумера и Аккада, историю вавилонской литературы, а на практических занятиях со студентами разбирал клинописные тексты.

Ахматова с интересом относилась к рассказам Владимира Казимировича о Древнем Востоке. Она была благодарной слушательницей, понимающей музыку древней речи. Шилейко рассказывал ей о царях и богах, читал таблетки на языке оригинала, а потом переводил на русский [...]»²⁰.

¹⁸ И. Муравьева, *Ахматова и Фонтанный дом*, «Звезда» 1996, № 3, с. 201–202.

¹⁹ Н. Попова, Т. Позднякова, *Золотая клинопись фонарей в Фонтанке: Анна Ахматова и Владимир Шилейко*, Санкт-Петербург 2017, [online], http://okolo.me/2017/04/ahmatova_shilejko, [доступ: 03.04.2017].

²⁰ З. Томашевская, *Петербург Ахматовой: семейные хроники, Зоя Борисовна Томашевская рассказывает*, Санкт-Петербург 2001, [online], <https://refdb.ru/look/2092812.html>, [доступ: 12.06. 2017].

В их большой продолговатой комнате стоял круглый стол. За этим-то столом при свете керосиновой лампы, накинув на плечи оставшуюся от пребывания в армии солдатскую шинель, Шилейко, засевшись запоздно, разбирал глиняные таблички, переводил клинопись, диктовал, а Ахматова записывала. На первых порах безбытность сблизила их творчески и человечески. Для обоих было характерно единство аскетического отшельнического тона, для стихов Шилейко изначально заданного, а у Ахматовой постепенно возобладавшего²¹.

Именно под воздействием знакомства с шумеро-аккадским эпосом о Гильгамеше у поэта возник замысел драмы, которой она дала заглавие «Энума элиш» по аналогии с космогонической поэмой о сотворении мира, являвшейся частью новогоднего праздничного ритуала. В данном ритуале начало года соответствовало созданию мира, а конец символизировал его финал²². Уже сам календарный ритуал был связан с циклической трактовкой времени: прошлое – это некая мистическая реальность, оно способно «возвращаться» в снах, воспоминаниях. Память и забвение – два полюса отношения к прошлому. У Ахматовой в драме присутствуют обе тенденции: невозможность и ненужность возврата (*я ничего не увижу и только сотру этим то, что так ясно вижу сейчас*) и настойчивое постоянное напоминание ушедшего о себе. Драма создавалась как бы спонтанно.

Местом «совершения ритуала» в «Энуме элиш» избран Фонтанный дом. Ахматова вспоминала, что начала писать драму именно здесь и здесь же осуществила символический акт аутодафе после возвращения в Ленинград и разрыва с В. Гаршиным, который был, по свидетельству Э. Герштейн, одним из прототипов героя «ташкентской» редакции²³. Более того, Гаршин был и адресатом «Поэмы без героя»: в первоначальном варианте «Решка» была посвящена «В.Г. Гаршину»,

²¹ Вяч. Вс. Иванов, *Одетый одеждой крыльев*, [в:] В. Шилейко, *Через время. Стихи, переводы, мистерии*, Москва 1994, с. 12–13.

²² При этом Ахматова интерпретировала смысл заглавия драмы по-своему. Если в переводе с аккадского оно должно звучать «*Когда наверху*»/«*Когда вверху*», т.е. имеется в виду, что неназванным вверху в древневавилонском мифе было небо, то, автор поясняет его перевод как «*Там наверху*», наделяя тем самым текст дополнительным значением.

²³ Автор драмы заявляла, что сожгла свое творение *по художественным соображениям* 11 июня 1944 года, то есть в свой день рождения (по старому стилю). Однако М. Кралин в свое время опроверг авторскую датировку, выяснив, что в июне 1944 года Ахматова не только не жила в Фонтанном доме (она остановилась у Рыбаковых), но и 11 июня была в городе Пушкине, где выступала на радиомитинге.

а *Эпилог* – «Городу и Другу», то есть Ленинграду и Гаршину, оставшимся во время войны для Ахматовой *за тремя фронтами*. После разрыва летом 1944 года автор поэмы тщательно изгоняла из текста все прямые посвящения ему²⁴.

Однако, несмотря на это, Гаршин остался в текстах Ахматовой посвящениями и скрытыми аллюзиями. Т. Цивьян отмечала характерную особенность поэта, которая заключалась в том, что маскируются слишком прямые указания на адресата и одновременно создается возможность переадресовки, обобщений²⁵. Это относится и к формированию лирических циклов, в которые автор включает стихотворения разных лет с разными адресатами. Тем самым Ахматова в зрелом и позднем творчестве избегала параллелей между жизненным текстом и поэтическим.

Как известно, работа над драмой шла подобно созданию «Поэмы без героя». Будучи «попутчицей» поэмы, драма должна была сопровождать и Ахматову на всем протяжении последнего этапа ее творческой биографии²⁶. «Сожженная драма» – это как раз та форма текста, который автор и оставила читателям и исследователям. При этом свой главный труд Ахматова считала завершенным, а «Энума Эниш» дошла до нас в виде несистематизированных фрагментов черновых и белых автографов, напоминающих рассыпанные таблички с клинописью.

Драма «Энума Элиш» представляет собой яркое явление эстетики незавершенности, во многом определяющей не только формальное, но смысловое своеобразие позднего творчества Ахматовой. Так называемая «сожженная драма» являет собой сложный жанровый феномен не просто незавершенного, фрагментарного, но принципиально «дефектного», «испорченного» текста [...]. Таким образом, можно заключить, что драма не просто «вздумала» вернуться к автору много раньше 1964 г., она просто никуда от него не уходила, заняв свое особое место в творческой биографии Ахматовой²⁷.

²⁴ Э. Гернштейн, *Мемуары*, Москва 1998, [online], <http://detectivebooks.ru/book/18599904/?page=73>, [доступ: 02.05.2017].

²⁵ Т. Цивьян, *Об одном Ахматовском пейзаже*, [в:] *Культурная антропология. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*, Вып. 3, Москва 2005, с. 328.

²⁶ М. В. Серова, «Сожженная драма» Анны Ахматовой, или история одного безумия, [online], <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/serova-sozhzhennaya-drama-ahmatovo.j.htm>, [доступ: 02.05.2017].

²⁷ М. В. Серова, *Петербургский эпизод в «ташкентской драме» Анны Ахматовой*, [online], <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24156/1/iurg-2003-28-10.pdf>, [доступ: 10.06.2017].

У текстологов возникают сложные проблемы с публикацией этого уникального текста: им приходится печатать черновые записи, к тому же состоящие из разрозненных фрагментов. Однако в этом есть и свой глубокий смысл: смысл печатания черновика не в том, что он дает законченный текст, а в том, что он дает читателю представление о творческом процессе²⁸, в данном случае, как создавалась драма.

Следующий период жизни поэта в Фонтанном доме начинается с 1925 года. Он связан с Н. Пуниным, который мучительно и долго любил Ахматову, удивительно, как она считала, понимал стихи. Холостяцкая квартира женатого Пунина была на Инженерной 4, Ахматова там бывала. В августе 1922 года Пунин как один из руководителей отдела ИЗО Наркомпроса и заведующий одного из отделов Русского музея получил квартиру на третьем этаже в садовом южном флигеле Фонтанного дома, который находился в то время в ведении музея. Пройдя через знаменитые чугунно-кружевные шереметьевские ворота и вестибюль дворца, жители попадали во внутренний двор. Здесь еще росли старые графские липы, *будто из ахматовских или пушкинских стихов*. Квартира была большая – около ста метров, построенная по анфиладному принципу, при этом каждая из четырех комнат с окнами в дворцовый сад имела также дверь в коридор²⁹.

Поворотным в отношениях Ахматовой и Пунина стал июль 1922 года. Судя по коротеньким запискам, посланным ею, инициатива изменения их отношений принадлежала автору «Поэмы без героя»³⁰. Об этом же свидетельствуют и ответные письма Пунина, в которых характерно уже тогда отмечаемая им «бездомность» и «нищенство» Ахматовой: *Зачем это тебе надо звать и зачем меня позвала? Куда с тобою, ну, куда с тобою, бездомная нищенка?*³¹. Вначале неприкаянность и бездомность Ахматовой даже трогали его, однако разрушить собственный дом Пунин не хотел. Поэт дарит ему небольшую самодельную тетрадь со стихами «*И говорят нельзя теснее слиться...*», «*Дьявол не выдал. Мне все удалось...*», «*Небывалая осень построила купол высокий...*»,

²⁸ Д. С. Лихачев, *Текстология: Краткий очерк*, Москва, Ленинград 1964, с. 89.

²⁹ Согласно легенде, эту квартиру в начале века устроили к свадьбе дочери С. Д. Шереметева Марии Сергеевны с графом А. Гудовичем.

³⁰ См.: Н. Пунин, *Мир светел любовью, Письма. Дневники*, Москва 2000, [online], <https://refdb.ru/look/2052350-pall.html>, [доступ: 10.05.2017].

³¹ Там же. До переезда в Фонтанный дом в квартиру Пунина Ахматова, действительно, была, как почти всю ее жизнь, бездомной: находила приют у О. Судейкиной на Фонтанке, 2; в квартире Шилейко в Мраморном дворце; в квартире на Сергиевской, 7.

вписанными ее рукой. По крайней мере, последнее из них было адресовано Пунину. Уже после войны он записал в дневнике: *Из всех ее стихов самое сильное: "Я пью за разоренный дом..."*. В нем есть *касанье к страданию*³². Написанное в 1934 году, стихотворение связано с темой «потерянного», «разоренного» дома, оно имитирует форму тоста, по сути это *безжалостная ирония здравницы наоборот*³³.

19 октября 1922 года в «мягкий петербургский, ахматовский» вечер поэт пришла первый раз к Пунину в гости, но и после этого Ахматова не спешила насовсем поселиться в Фонтанном доме, жила как бы на два, оставив вещи в квартире в Мраморном дворце³⁴. Кроме того, в квартире на Фонтанке продолжала проживать семья Пунина: жена и дочь³⁵. Поэт не могла не понимать, что в таких обстоятельствах она будет жить *на краешке чужого гнезда*.

Все это накладывало на пребывание Ахматовой в Фонтанном доме особый отпечаток непрочности, временности, тем более что и брак ее с Пуниным так и не был зарегистрирован. Уютного, надежного дома не получилось³⁶.

В квартире были четыре комнаты: большой зал-ротонда, который называли «розовой комнатой», столовая, детская и кабинет хозяйна, длинный коридор вдоль комнат с антресолями, просторная кухня и прихожая. Ахматова поселилась в кабинете Пунина: отдельной комнаты для нее не было. Пунин не раз говорил ей: *Это твоя комната*, однако, лишь диван и маленький столик из красного дерева перед ним были здесь ее уголком. Еще в 1923 году, когда Ахматова не жила в Фонтанном доме, Пунин писал в дневнике, что хочет сохранить в доме Галю [жену] и беречь ее самолюбие³⁷. Н.Я. Мандельштам сурово и по-своему субъективно оценила ситуацию, в которой оказались обитатели квартиры, но в ее словах была и горькая правда в восприятии чужой жизни:

³² Н. Пунин, *Мир светел любовью...*, [online].

³³ По выражению И. Гурвич. См.: *Художественные открытия в лирике А. Ахматовой*, «Вопросы литературы» 1995, № 3, с. 168.

³⁴ Речь идет о квартире Шилейко в устроенном после революции общежитии для ученых в Мраморном дворце. В это время он сам уже жил в Москве. Это та самая квартира, о которой вспоминала Ахматова: *И в Мраморном крайнее пусто окно*.

³⁵ В 1924 году в одной из комнат поселилась еще и домработница Пуниных А. Смирнова с сыном.

³⁶ И. Муравьева, *Анна Ахматова и Фонтанный дом...*, с. 102.

³⁷ Н. Пунин, *Мир светел любовью...*, [online].

Худо, что они очутились вместе «под крышей Фонтанного Дома». Идиллия была придумана Пуниным, чтобы Ахматовой не пришлось хозяйничать, а ему не надрывать, добывая деньги на два дома³⁸.

Выросшая до революции, поэт, как многие женщины ее круга, в бытовом плане была беспомощна, житейски неприспособленна, практически не отличалась, все это усугубляло эмоционально-некомфортные условия в доме. Ахматова не могла чувствовать себя хозяйкой, она оставалась на положении гостьи.

Обстановку в семье и ситуацию в квартире характеризует и то положение, в котором оказался сын Ахматовой: в 1929 году он приехал в Ленинград из Бежецка, чтобы учиться в десятом классе, а потом поступить в вуз. Место Л. Гумилеву нашлось только в коридоре на деревянном сундуке в не отапливаемом коридоре. Сын от первого брака совершенно не интересовал Пунина, отношения их не сложились³⁹. В конце 1936 года, когда Ахматова лишилась постоянной персональной пенсии, которую получала семь лет *за заслуги перед русской литературой*, ситуация в доме стала еще сложнее⁴⁰. В разговоре с Чуковской Ахматова признавалась:

Меня так тяготила вся обстановка. Я теперь поняла. Идеалом жены для Николая Николаевича всегда была Анна Евгеньевна. Она служит, получает четыреста рублей жалованья, отличная хозяйка. И меня он упорно укладывал в это прокрустово ложе, а я и не хозяйка, и без жалованья⁴¹.

³⁸ Н. Мандельштам, *Воспоминания. Вторая книга*, предисловие и примечания А. Морозова, подготовка текста С. Василенко, Москва 1999, [online], <http://e-libra.ru/read/315223-vtoraya-kniga.htm>, [доступ: 12.02.2017].

³⁹ Следствием неблагоприятной ситуации в доме стало переселение сына Ахматовой на Фонтанку, 149, в квартиру его приятеля – студента А. Бекмана. Именно там, а не в Фонтанном доме Л. Гумилев и был арестован. Строки *Уводили тебя на рассвете* в «Реквиеме» обобщенно воссоздают ситуацию тех страшных лет. Всего Л. Гумилеву выпало пережить четыре ареста, в тюрьмах и лагерях он провел около 14 лет. Впоследствии был полностью реабилитирован.

⁴⁰ При этом Ахматова не была полностью материально зависима от Пуниных (прежде всего, от А. Аренс-Пуниной), так как зарабатывала переводами и статьями: в справке за 1940 год значится, к примеру, что ей были выплачены 5810 рублей. По-видимому, сама поэт обращается перед войной к ленинградскому Горсовету о предоставлении ей комнаты, так как она проживала в квартире бывшего мужа. Это подтверждают и слова Ахматовой, сказанные летом 1940 года Чуковской: *Значит, обещанная мне новая квартира – миф, и вторая комната в этой – тоже миф*. См.: Л. Чуковская, *Записки об Анне Ахматовой*, Санкт-Петербург, Харьков 1996, т. 1, с. 124.

⁴¹ Там же, с. 64.

Беспросветность и уныние в доме отметил его частый гость Лукницкий. Сама Ахматова считала период с 1925 до 1936 года временем трудным в житейском плане и не слишком плодотворным для творчества – периодом *скуки, пустоты, смертного одиночества*⁴², но с 1936, по ее собственным словам, у нее почерк изменился, голос начал звучать по-другому⁴³.

Летом 1937 года Пунин уже говорит о себе и Ахматовой отдельно, вписывая в ее жизненный текст теперешнее внешне скромное место, которое для будущего выбрано верно:

[...] я уже соглашаюсь, что твое место не на земле: ломаная кушетка, на которой ты спишь, лишь доказательство и ничего больше. Ты хорошо выбрала свое место, я уже не спорю⁴⁴.

В начале 1937 года Ахматова знакомится с Гаршиным, а осенью следующего года после разрыва с Пуниным, переселяется в небольшую комнату, бывшую детскую, где живет до отъезда в эвакуацию осенью 1941 года. Покинуть Фонтанный дом Ахматова не захотела, объясняя это тем, что она тут привыкла, к тому же собственно и переезжать ей было некуда. Комната ее поражала впервые пришедших какой-то неухоженностью, сломанными ножками стула или тахты и в то же время редкими старинными вещами из какой-то другой жизни, *черепками прошлого*, поэтому так противоречивы отзывы о предвоенном жилище Ахматовой. Ее комната, действительно, была озарена *волшебным светом* для тех, кто умел его видеть. Окна всех жилых комнат петербургских домов выходили во двор, не составляли исключение и квартиры, располагавшиеся в дворовых флигелях. Самым знаковым оказался в жилище поэта символизирующий связь времен клен за окном: *Где, свидетель всего на свете, / На закате и на рассвете / Смотрит в комнату старый клен*⁴⁵.

Сороковой год можно рассматривать как переломный, это время внутренней подготовки к созданию «Поэмы без героя», позднее Ахматова оценивала его как «время итогов». Внешними толчками к началу работы стало пространство и время: время кануна, пространство

⁴² А. Ахматова, *Записные книжки...*, с. 311.

⁴³ А. Ахматова, *Автобиографическая проза*, [в:] *Сочинения*, т. 2, сост. В. Черных..., с. 251.

⁴⁴ Н. Пунин, *Мир светел любовью...*, [online].

⁴⁵ А. Ахматова, *Поэма без Героя*, [в:] *Сочинения*, т. 2, сост. М. Кралин..., с. 342.

тений Фонтанного дома. В последнюю перед войной новогоднюю ночь 1941 года Анна Андреевна осталась одна, Гаршин, по-видимому, обещал прийти, но не смог оставить жену: *И с тобой, ко мне не пришедшим, / Сорок первый встречаю год*. Ночь одиночества и воспоминаний, когда время тянулось медленно, часы все никак не били двенадцать, подтолкнула к грустному занятию – разбору, перечитыванию старых бумаг. Они хранились в так называемом *сундуке флорентийской невесты XVIII века*, который и сегодня можно увидеть в музее Ахматовой в Фонтанном доме. Сундук остался после отъезда О. Судейкиной, на дне хранились различные бумаги, в том числе и любовные письма и стихи В. Князева.

Ахматова позднее указывала на сам фактор просмотра старого архива для обращения к поэме как на случайное, чисто внешнее обстоятельство. Таковым оно и было: лишь импульс в создании ключевого произведения поэта, но как чисто личное событие – это было погружение в прошлое, в молодость, когда автор не оставалась одна в такую судьбоносную ночь. Ахматова писала об *ощущении Канунов, Сочельников*, именуемые *осью, на которой вращается вся вещь, как волшебная карусель*⁴⁶. Поэтому первая часть поэмы событийно связана с периодом кризисным, пограничным, насыщенным знаковыми символическими реалиями. Это и воскрешение прошлого и прощание с ним. Перед нами – универсальный мифо-ритуальный комплекс мира на переходе от старого к новому году⁴⁷. Первая глава получила подзаголовок «петербургская повесть»: автор подчеркивала связь поэмы с петербургским мифом, петербургской гофманианой. Возвращение мысленно в прошлое – это преодоление слоя видимого и проникновение в сферу невидимого, воскрешение давно ушедшего, которое в драме «Энума элиш» принимает форму припоминания героиней текста *навсегда потерянной рукописи*, а в первой части поэмы – прощания со временем. Это спуск в *подвал памяти*, так как память, в данном случае, уподобляется сундуку.

Собственная ее – память у нее всегда *подвал, погреб* – нечто запертое – *замурованная дверь* и т.д. В лучшем случае – шкатулка. Начав рыться

⁴⁶ А. Ахматова, *Прозе о Поэме*, [в:] *Сочинения*, т. 2, сост. В. Черных..., с. 230. Ахматова подчеркивала, что толчком к зарождению поэмы послужила и музыкальная стихия. Стоит упомянуть и о ключевом тексте, из которого развилась поэма – это стихотворение *Новогодняя баллада*.

⁴⁷ В. Топоров, *Об ахматовской нумерологии и менологии*, [в:] *Анна Ахматова и русская культура начала XX века. Тезисы конференции*, Москва 1989, с. 17.

в шкатулке, она вынимает оттуда *вещи*, которые ранят, и бередают, и животворят память⁴⁸.

Ахматова превратила печальную житейскую ситуацию одиночества в праздничный вечер в поэтический образ: к героине приходят все ее гости тринадцатого года – тоже предвоенного, но они – тени прошлого.

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, –
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей⁴⁹.

Разумеется, гостей нельзя принять в скромной квартире 40-х годов, которая и не вместила бы их всех, поэтому *новогодние сорванцы* собираются в *Белом великолепном зале* Фонтанного дома. Сама Ахматова сделала примечание, поясняя как раз то, что нетрудно было узнать: *Белый зеркальный зал (работы Кваренги) в Фонтанном Доме, через площадку от квартиры автора*⁵⁰. Кроме старых бумаг в сундуке с двойным или даже тройным дном, импульсом к созданию поэмы стало и пространство дворца, и старый сад:

[...] в дело вмещался сам Фонтанный Дом: древние, еще шведские дубы. Белый (зеркальный) зал – через площадку, где пела сама Параша для Павла I, уничтоженный в... году грот, какие-то призрачные ворота и золотая клинопись фонарей в Фонтанке – и Шумерская кофейня (комната В. К. Шилейко во флигеле)⁵¹.

⁴⁸ Л. Чуковская, *Герой «Поэмы без Героя»*, [online], <http://znamlit.ru/publication.php?id=2441>, [доступ: 02.05. 2017]. Курсив – автора цитаты – Л. Ч.

⁴⁹ Там же, с. 341–342.

⁵⁰ А. Ахматова, *Поэма без Героя...*, с. 345. «Белым залом» автор поэмы называет помещение, которое именовали «Галереей» или «Галерейным залом». Этот зал, действительно, был задуман Дж. Кваренги как концертный и театральный, но смерть Жемчужовой-Шереметьевой прервала работы во флигеле дворца. В одном из набросков к поэме 1941 года Ахматова пробовала развить эту тему: «Не построена галерея – Эта свадебная затея». Лишь в 40-х годах XIX столетия оформление зала окончил другой архитектор – И. Корсини. В Галереи, что отразилось в тексте поэмы, два яруса зеркальных окон: «среди таинственных зеркал, за которыми когда-то прятался и подслушивал Павел Первый», а теперь «Только зеркало зеркалу снится». В этих зеркалах и мерещатся тени тринадцатого года, все двоится и троится.

⁵¹ А. Ахматова, *Еще о поэме*, [online], http://www.all-art.org/literature/axmatova/axmatova_o%20poeme.htm, [доступ: 12.02.2017].

Пространство площадки легко расширяется и также легко сужается: в Интермедии *Через площадку* Белый зал, где только что пронеслась толпа в маскарадных костюмах, снова превращается в «комнату автора».

Вскоре после начала войны в августе 1941 года Ахматова оставила свою комнату в Фонтанном доме, попросив своих друзей Томашевских, которые жили в писательском доме, где было почти настоящее бомбоубежище, забрать ее к себе. 26 сентября поэт получила удостоверение о бронировании жилплощади в Фонтанном доме в связи с эвакуацией из Ленинграда. Свои рукописи и ценные для нее вещи и реликвии она оставила на попечение Гаршина⁵². Через два дня Ахматову на самолете доставили в Москву⁵³. После ноябрьских праздников эшелонам с писательскими семьями она добралась, наконец, до Ташкента.

Бомбардировки осажденного Ленинграда продолжались: 6 ноября 1941 года бомба упала так близко от Фонтанного дома, что вылетели стекла, после этого квартира Пуниных стала непригодна для жилья. Блокада Ленинграда была снята лишь 27 января 1944 года. В середине мая поэт, наконец, дождалась вызова в родной город, и ташкентские друзья проводили ее домой: *восемьсот волшебных дней под синей чашею* южного неба подошли к концу.

В Москве всех приятно поразило то, что Ахматова выглядела оживленной, молодой и счастливой. За свои патриотические стихи она вскоре награждена медалью «За оборону Ленинграда». В первый день лета автор «Поэмы без героя» приехала поездом в мягком вагоне в родной город, полная надежд и планов. Она собиралась навсегда распрощаться с Фонтанным домом и поехать сразу с вокзала в новую квартиру Гаршина на Кировском проспекте. В Ленинград Ахматова добралась с одним небольшим чемоданчиком, как и уезжала из него, знакомые отмечали, что у нее всегда с собой было совсем немного вещей. Однако все ее планы рушились уже на вокзале: квартира еще не была получена, Гаршин, переживший блокаду, неузнаваемо изменился, показался Ахматовой *психически надломленным*, речи о совместной жизни уже не шло, она снова оказалась бездомной и, к тому же

⁵² Гаршин спас архив Ахматовой и наиболее дорогие ее сердцу вещи, проводил на фронт сыновей, пережил в блокаду смерть жены, перенес тяжелую форму дистрофии. После разрыва по просьбе поэта им были возвращены ее письма, бумаги и вещи.

⁵³ До конца жизни Ахматова считала, что ее вывезли из Ленинграда по распоряжению А. Фадеева, однако дело чести ее спасения принадлежит поэту О. Берггольцу, хотя сам вызов был подписан Фадеевым. При этом Бергголец решительно отказалась эвакуироваться.

оскорбленной и униженной, так как все знакомые знали, что ехала *к мужу*. Свое впечатление от встречи с пережившим кошмар блокады Ленинградом поэт выразила, как обычно, лаконично: *Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе*⁵⁴. В *Эпilogе* поэмы бездомность становится общей бедой: *А веселое слово – «дома» / Никому теперь не знакомо*. Стихотворения «День шел за днем...» и «Стеклянный звонок...» оба с датой «1944» были связаны с темой предательства, разрыва с Гаршиным и вынужденного возвращения в Фонтанный дом⁵⁵.

С 27 июля 1944 года начинается последний период жизни поэта, связанный с бывшим домом. Первыми сюда возвратились Пунины.

Когда управдом Пересветова сняла печати, мы прошли по комнатам, как по заброшенному пепелищу, где всё было священо и опустошено: окна без стекол, остатки мебели, электричество и водопровод бездействуют. Предстояло начать новый период жизни⁵⁶.

Даже поздней осенью для комнаты Пуниных не удалось достать стекол, чтоб вставить вместо разбитых: стекол не было во всем городе. Ахматовой очень не хотелось возвращаться в Фонтанный дом, однако, в первых числах сентября 1944 года она вернулась в прежнюю квартиру в прежний старый дом. В ее комнате на средства писательской организации сделали косметический ремонт. Вскоре ей удалось получить еще одну комнату, в которой до переезда жила домработница Пуниных, а потом на законных основаниях семья ее сына – Смирновых. Так у поэта появилось две комнаты в прежней квартире, одна из которых предназначалась для сына-фронтовика. Поздней осенью 1945 года после семилетней разлуки (арест, тюрьма, лагерь, путь на фронт добровольцем, демобилизация) они, наконец, встретились.

⁵⁴ А. Ахматова, *Коротко о себе*, [в:] *Сочинения*, т. 2, сост. В. Черных..., с. 214–215.

⁵⁵ К этой же «гаршинской» теме Ахматова думала присоединить обращенные к нему стихотворения *Опять подошли незабвенные даты...* и *Я бы лучше по самые плечи...*, объединив их, в цикл *Дума*. Однако цикл был рассыпан самим автором, и стихотворения оказались разобщенными.

⁵⁶ И. Пунина, *Сорок шестой год*, [в:] *Воспоминания об Анне Ахматовой*, Москва 1991, с. 465.

Ахматова в это время более чем с кем-либо иным ощущала духовную близость со своей новой знакомой – С. Островской⁵⁷, которая записала в дневнике слова поэта: *Я совсем одна. Город пустой для меня. В городе же никого нет...*⁵⁸. Когда Островская, пережившая в Ленинграде блокаду, первый раз шла в гости к Ахматовой, ее поразило сходство двора Фонтанного дома с виденным прежде: *Вид мне показался почти Царскосельским*, однако, сама обстановка комнаты поэта поразила убожеством:

В длинной и узковатой комнате почти не было мебели. Стояли полусломанные стулья, старое кресло, в которое она усадила меня, маленькая железная кровать, покрытая чем-то темно-желтым, маленький столик, шкаф с отломанной створкой⁵⁹.

Между тем это были месяцы официального признания Ахматовой, избрания ее в разные правления, комиссии, в конце года в журнале «Ленинград», кроме десяти стихотворений последних четырех лет, появляется и отрывок из «Поэмы без героя», посвященный Шереметьевскому дворцу, пережившему и войну («Так под кровлей Фонтанного дома...»). Островская отмечает, что на многочисленных выступлениях Ахматову *встречают такой овационной бурей*, что ее слава воспринималась как *одуряющая и странная, странная...*, а сама Ахматова *трагична в своей славе и одиночестве*⁶⁰.

В момент личного знакомства с нею Островская представляет собой, так сказать, идеальный тип реципиента ахматовского мифа, который и воспроизведен в каноническом виде в ее первой пространной характеристике Ахматовой в 1944 году. Однако по мере сближения и общения с Ахматовой на первый план у Островской выходят деконструирующие этот миф замечания⁶¹.

⁵⁷ В 1994 году в сборнике «Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР)» была опубликована статья О. Калугина «Дело КГБ на Анну Ахматову», из которой вытекало, что Островская о *трудах и днях* автора «Поэмы без Героя» систематически составляла донесения в органы безопасности.

⁵⁸ С. Островская, *Дневник*, [online], <http://fanread.ru/book/11957483/?page=113>, [доступ: 03.07.2017].

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ М. Мейлах, *Ахматова: дневник сексота*, [online], <http://archives.colta.ru/docs/4155>, [доступ: 12.06.2017].

Сам дневник Островской требует внимательного изучения, а вопрос о ее роли в судьбе Ахматовой – уточнения. К сожалению, в силу дистанции, которая их разделяла, новая знакомая не делилась с Ахматовой своими опасениями. Поэт относилась к бурным проявлениям славы и благоволению к ней властей настороженно, однако, она утрачивает бдительность и осторожность, встретившись в год победы с И. Берлином. После окончания войны, в сентябре 1945 года Берлин был направлен из США, где работал в пресс-службе Британского посольства, в Россию. В детстве он жил в Петрограде, поэтому прекрасно говорил по-русски.

Узнав о визите, Ахматова приглашает на встречу Островскую, возможно, уже догадываясь о роли, которую та играла. В шереметевском саду Берлин представил Орлову сына английского премьер-министра Р. Черчилля. Сам Берлин, видимо, был представлен Ахматовой лишь специалистом по истории русской литературы. Он не сообщил, что был сотрудником английского посольства, что насторожило бы поэта, ведь она *была человеком очень трезвым и обдуманным*, и возможно, все окончилось бы одним незначительным дневным визитом. Таким образом, Ахматова ничего не знала о своем госте, но находилась в окружении очень опасных для нее людей. Однако Берлин сумел произвести на нее такое большое впечатление, что она пригласила его прийти уже без Орлова в этот же вечер в десять часов⁶². М. Кралин точно определил причину ее интереса к гостю в том, что тот успел занять ее душу, *именно как говорун, чарователь он сумел заморозить Ахматову*:

[...] он был уже человеком, блестяще владеющим искусством беседы, «спикером», говоруном, обладателем особого таланта, или даже своего рода профессии, нынче как будто сходящей на нет⁶³.

⁶² К сожалению, Ахматова отнеслась к встречам с Берлином слишком интимно, долго ждала от него известий, поэтому сообщение, полученное десять лет спустя, когда он по телефону сказал ей об его женитьбе, было встречено ею ледяным молчанием, воспринято как измена. Встретиться с Берлином, когда он в 1956 году приехал в Москву, поэт отказалась, хотя тоже находилась в это время в столице. Берлина очень раздражали попытки понять подлинную подоплеку событий тех лет, поэтому он и оставил свою версию произошедшего в воспоминаниях *Meetings With Russian Writers in 1945 and 1956*, W: *Isaiah Berlin Personal Impressions*, The Hogarth Press, London, 1980. На русском языке впервые опубликовано в «Slavica Hierosolymitana», Jerusalem 1981, с. 593–641 в переводе с английского Д. Сегал, Е. Толстая-Сегал.

⁶³ М. Кралин, *Победившее смерть слово*, [online], <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kralin-pobedivshee-slovo/ser-isaia-berlin-i-gost-iz-buduschego.htm>, [доступ: 04.05.2017]. Автор книги выдвигает гипотезу (которую озвучивают сегодня и иные исследователи), что встреча в Ленинграде в Книжной лавке писателей Берлина с го-

После ухода гостей Ахматова позвонила ученице Шилейко А. Оранжевой, которая по отношению к ней выполняла ту же неблагоприятную миссию, что и Островская. Все это свидетельствует о том, что поэт невольно включилась в игру, которая была подготовлена за ее плечами иными. Возможно, она хотела, чтобы были свидетели этой встречи в первый день. Так или иначе, но пять встреч привели к драматичным последствиям в жизни Ахматовой и трагическим в судьбе ее сына. Оба они полагали, что и Постановление, и арест Л. Гумилева, которого упорно допрашивали по поводу визитов Берлина, были следствием неоднократного появления иностранного гостя в Фонтанном доме⁶⁴. Характерно, что Берлин заметил, что в выстраивании Ахматовой ее жизненного текста огромную роль занимает ее собственная роль и излишне трагический самообраз, который он сравнивает с образом Кассандры⁶⁵. Однако, прежде всего, этот транслируемый поэтом образ был односторонним, Ахматова была настолько богатой и разнообразной личностью, что ее невозможно и не нужно пытаться вместить в «прокрустово ложе». Ее писательская и жизненная стратегия вполне соответствовала *метафорической сущности поэзии, всегда выдающей одно за другое*⁶⁶.

Если встречи с Берлином и не были единственной и главной причиной несчастий в судьбе Ахматовой и ее сына, то определенные службы, безусловно, рассматривали их как повод для следствия. При этом вычеркнуть эти встречи из творческой биографии поэта невозможно в силу того, что они способствовали созданию ее поздней интимной

товившим к изданию книгу стихов Ахматовой известным литературоведом В. Орловым, была не случайной, что Берлин сознательно «подставил» Ахматову, что она была вынуждена принять английского дипломата по прямому указанию Орлова. Поэт, таким образом, оказалась жертвой в большой дипломатической игре двух разведок. Л. Гумилев тоже считал, что Ахматову вынудили принять английского дипломата, что в этом был замешан Ленинградский союз писателей. Версия, разработанная в Музее Анны Ахматовой с учетом всех доступных к 2009 году источников, предлагает не случайность встречи и со стороны Берлина: *Возможно, было так: [...] Утром 15 ноября Берлин под видом прогулки по Невскому проспекту направился в Книжную лавку писателей*. См подробнее: В. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, [online], <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1945.htm>, [доступ: 02.05.2017]. Именно данная версия об участии спецслужб двух сторон выглядит сегодня наиболее правдоподобной.

⁶⁴ Однако, скорее всего, Постановление о ленинградских журналах 1946 года было лишь прологом страшного «Ленинградского дела» 1949 года.

⁶⁵ И. Берлин, *Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах*, [online], http://lib.ru/FILOSOF/BERLIN_I/russkie_pisateli.txt, [доступ: 04.05.2017].

⁶⁶ А. Жолковский, *Анна Ахматова...*, [online].

лирики (циклы «Cinque», «Шиповник цветет» о призрачной встрече в «полночном доме»), появлению образа «Гостя из будущего» и третьему посвящению в «Поэме без героя». К. Чуковский записал слова Ахматовой о превратностях ее судьбы, свидетельствующие о ее житейской мудрости: *Я была в великой славе, испытала величайшее бесславие – и убедилась, что, в сущности, это одно и то же*⁶⁷.

В 1952 году семья Пуниных под давлением администрации Арктического института, расположившегося в Шереметевском дворце, должна была переселиться из ведомственного дома путем обмена квартиры на улицу Красной Конницы.

Но все-таки Фонтанный Дом и сад, загражденный последние годы от нас железной сеткой, и все, что случилось в этом доме, где А. А. написала *Поэму без героя*, мы покидали с болью⁶⁸.

Ахматова в это время была в больнице, затем в санатории, потом гостила на даче у Шервинских. Так она и жила последние годы между Ленинградом и Москвой. К этому времени петербургские дворцы стали безликими, семейная, житейская история ушла в прошлое. Произведения Ахматовой вселяли в них вторую жизнь, воскрешали прошлое. Прощаясь с Фонтанным домом в стихотворении «Особенных претензий не имею...», поэт называет его *сиятельным*, но не одарившим лирическое «я» материальными благами⁶⁹, она покидает дворец *во всем величии святой бедности*. Иные богатства и приобретения были всегда для Ахматовой более ценными: ощущение внутренней свободы, своей правоты, заслуженной «славы», памяти о ней и ее стихах. Дворец – это лишь «Дом Поэта», хоть и священный, этим он и знаменит.

Образ Фонтанного дома в мемуарах неизменно двойится: Шереметевский дворец, «сиятельный дом», «Дом Поэта» и просто ленинградский адрес: Фонтанка, дом 34, кв. 44, скромное жилище в миру Анны Андреевны Ахматовой⁷⁰.

⁶⁷ Цит. по: К. Чуковский, *Дневник. 1929–1969*, т. 2, [online], <http://www.rulit.me/books/dnevnik-1929-1969-t-2-calibre-0-8-53-read-242414-107.html>, [доступ: 22.06.2017].

⁶⁸ И. Пунина, *Сорок шестой год...*, с. 471–472.

⁶⁹ А. Ахматова, «Особенных претензий не имею...», [в:] *Сочинения...*, т. 1, сост. В. Черных..., с. 333.

⁷⁰ С. Беляков, *Лев Гумилев*, «Новый мир» 2012, № 4, [online], http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/4/b8.html, [доступ: 04.07.2017].

Текстовое воплощение пространственного мировосприятия в ее творчестве выражается в особенностях его представления: это пространство историческое, насыщенное реалиями конкретного петербургско-ленинградского пейзажа, и субъективное, личностное, реальное, будничное и одновременно метафизически-страшное, связанное с внешними или внутренними событиями, пространство, насыщенное тематическими и семантическими полями, эксплицирующих локус «дом».

Финальным аккордом в «отношениях» Ахматовой с дворцом стало создание в 1989 году музея поэта в квартире Пуниных в Фонтанном доме. Впоследствии к мемориальной части прибавили литературную, которая располагается в зале, архитектурно решенном как ротонда. Этот зал назвали «Белым» в честь упомянутого в «Поэме без героя». Новая экспозиция, предполагает наряду с мемориальным пространство метафорическое:

Сад Шереметевского дворца, который словно врывается в окна комнат и «отражается» в стенах-зеркалах ротонды, органически включается в структуру и мемориальной, и литературной экспозиций музея. Эффект восприятия экспозиции поддержан ее звуковой и световой «режиссурой»⁷¹.

В этом году удалось осуществить и проект украшения входной зоны музея с Литейного проспекта. Арку, ведущую в Шереметевский сад и музей украсили одной из самых узнаваемых фотографий поэта, сделанной М.С. Наппельбаумом в 1921 году. Рядом с барельефом появились строки из поэмы: *Тень моя на стенах твоих...*

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова А., *Записные книжки (1958–1966)*, Москва, Torino 1996.

Ахматова А., *Еще о поэме*, [online], http://www.all-art.org/literature/axmatova/axmatova_o%20поэме.htm, [доступ: 12.02.2017].

Ахматова А., *Сочинения*, т. 1, сост. В. Черных, Москва 1986.

Ахматова А., *Сочинения*, т. 2, сост. В. Черных, Москва 1986.

Беляков С., *Лев Гумилев*, «Новый мир» 2012, № 4, [online], http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/4/b8.html, [доступ: 04.07.2017].

⁷¹ Г. Заднепровский, *Литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме*, «Литература» 2005, № 23, [online], <http://lit.lseptember.ru/article.php?ID=200502314>, [доступ: 06.06.2017].

- Берлин И., *Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах*, [online], http://lib.ru/FILOSOF/BERLIN_I/russkie_pisateli.txt, [доступ: 04.05.2017].
- Гернштейн Э., *Мемуары*, Москва 1998, [online], <http://detectivebooks.ru/book/18599904/?page=73>, [доступ: 02.05.2017].
- Гишпиус З., *Петербургские дневники 1914–1919 гг.*, [в:] *Собрание сочинений*, т. 9, Москва 2005.
- Жолковский А. К., *Анна Ахматова – пятьдесят лет спустя*, [online], <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/zholkovskij-ahmatova-pyatdesy-at-let-spustya.htm>, [доступ: 02 05.2017].
- Заднепровский Г., *Литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме*, «Литература» 2005, № 23 [online], <http://lit.lseptem.bez.ru/article.php?ID=200502314>, [доступ: 06.06.2017].
- Иванов Вяч. Вс., *Одетый одеждой крыльев*, [в:] Шилейко В., *Через время. Стихи, переводы, мистерии*, Москва 1994.
- Кралин М., *Победившее смерть слово*, [online], <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kralin-pobedivshee-slovo/ser-isajya-berlin-i-gost-iz-budushego.htm>, [доступ: 04.05.2017].
- Лихачев Д. С., *Текстология: Краткий очерк*, Москва–Ленинград 1964.
- Локша А., Козловская С., *Структура художественного пространства в творчестве Анны Ахматовой эпохи войны и революции (1914–1921)*, [в:] *Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник*, Вып. 9, Симферополь 2011.
- Лукницкая В., *Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких*, [online], <http://lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/LUKNICKAYA/gumilew.txt>, [доступ: 27.04.2017].
- Мандельштам Н., *Воспоминания. Вторая книга*, Предисловие и примечания А. Марченко А., *Ахматова: жизнь*, Москва 2009, [online], <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about-marchenko-zhizn/epilog-drugaya-zhizn.htm>, [доступ: 12.06.2017].
- Мейлах М., *Ахматова: дневник сексота*, [online], <http://archives.colta.ru/docs/4155>, [доступ: 12.06.2017].
- Морозова, подготовка текста С. Василенко, Москва 1999, [online], <http://e-libra.ru/read/315223-vtoraya-kniga.htm>, [доступ: 12.02.2017].
- Муравьева И., *Ахматова и Фонтанный дом*, «Звезда» 1996, № 3.
- Островская С., *Дневник*, [online], <http://fanread.ru/book/11957483/?page=113>, [доступ: 03.07.2017].
- Попова Н., Позднякова Т., *Золотая клинопись фонарей в Фонтанке: Анна Ахматова и Владимир Шилейко*, Санкт-Петербург 2017, [online], http://okolo.me/2017/04/ahmatova_shilejko, [доступ: 03.04.2017].

- Пунин Н., *Мир светел любовью, Письма. Дневники*, Москва 2000, [online], <https://refdb.ru/look/2052350-pall.html> [доступ: 10.05.2017].
- Пунина И., *Сорок шестой год*, [в:] *Воспоминания об Анне Ахматовой*, Москва 1991.
- Серова М. В., *Петербургский эпизод в «ташкентской драме» Анны Ахматовой*, [online], <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24156/1/iurg-2003-28-10.pdf>, [доступ: 10.06.2017].
- Серова М. В., «Сожженная драма» Анны Ахматовой, или история одного безумия, [online], <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/serova-sozhzheniya-drama-ahmatovoj.htm>, [доступ: 02.05.2017].
- Страда К., Страда В., *Анна Ахматова и ее XX век*, [в:] *La Pietroburgo di Anna Achmatova*, Bologna 1996.
- Томашевская З., *Петербург Ахматовой: семейные хроники, Зоя Борисовна Томашевская рассказывает*, Санкт-Петербург 2001, [online], <https://refdb.ru/look/2092812.html>, (доступ: 12.06. 2017).
- Топоров В., *Об ахматовской нумерологии и менологии*, [в:] *Анна Ахматова и русская культура начала XX века. Тезисы конференции*, Москва 1989.
- Художественные открытия в лирике А. Ахматовой*, «Вопросы литературы» 1995, № 3.
- Цивьян Т., *Об одном Ахматовском пейзаже*, [в:] *Культурная антропология. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*, Вып. 3, Москва 2005.
- Чуковская Л., *Герой «Поэмы без Героя»*, [online], <http://znamlit.ru/publication.php?id=2441>, [доступ: 02.05.2017].
- Чуковская Л., *Записки об Анне Ахматовой*, Санкт-Петербург, Харьков 1996, т. 1.
- Чуковский К., *Дневник. 1929–1969*, т. 2, [online], <http://www.rulit.me/books/dnevnik-1929-1969-t-2-calibre-0-8-53-read-242414-107.html>, [доступ: 22.06.2017].

STRESZCZENIE

DOM NA FONTANCE W ŻYCIU I TWÓRCZOŚCI ANNY ACHMATOWEJ

Artykuł jest poświęcony Pałacowi Szeremietiewa na Fontance w St. Petersburgu, znanemu jako „Dom na Fontance”, gdzie poetka mieszkała przez prawie 35 lat. Tutaj Achmatowa zaczęła pisać „Poemat bez bohatera”, dramatyczne wyznanie Elizeusza. Wiele wierszy poetki i jej proza związanych jest z tym domem. Dom na Fontance stał się ważnym miejscem jej pracy twórczej.

Słowa kluczowe: A. Achmatowa, Dom na Fontance, „Poemat bez bohatera”, „Enuma elisz”.

SUMMARY

FOUNTAIN HOUSE IN ANNA AKHMATOVA'S LIFE AND OEUVRE

The article is devoted to the Sheremetev Palace at 34 Fontanka River Embankment in Saint Petersburg, nicknamed Fountain House, in which the poetess lived for almost 35 years. Here Akhmatova began writing her "Poem without a Hero", the drama of Enum Elish. Many of her poems and her prose are connected with this house. Fountain House became the most important location in her creative activity.

Key words: A. Akhmatova, Fountain House, "Poem without a Hero", "Enuma Elish".